

УДК [338.48 : 615.838]

Кузнецова Раиса Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», г. Уфа, Россия

e-mail: kuznetsova_rv@nrcki.ru

Макарова Вера Николаевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом истории, Национальный музей Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия

e-mail: vnmac@mail.ru

«ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...» К ВОПРОСУ О ПИСЬМАХ В.В. ТАГЕЕВОЙ, КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Аннотация: на основании опубликованных источников, материалов архива Музея И.В. Курчатова восстановлена история дружеских связей раннего периода жизни Игоря Васильевича Курчатова и Веры Викторовны Тагеевой. Для выяснения биографических подробностей прослежен жизненный путь Веры Викторовны и её близкого окружения.

Ключевые слова: Крым, Игорь Васильевич Курчатов, биография, окружение

Kuznetsova Raisa Vasilievna, Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the National Research Center "Kurchatov Institute" e-mail:

kuznetsova_rv@nrcki.ru

Makarova Vera Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History, National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

e-mail: vnmac@mail.ru

LETTERS ARE MORE THAN MEMORIES... ON THE QUESTION ABOUT
V.V.'S LETTERS TAGEEVA, AS A HISTORICAL SOURCE

Annotation: based on published sources, materials from the archives of the Museum of I.V. Kurchatov restored the history of friendly relations in the early life of Igor Vasilyevich Kurchatov and Vera Viktorovna Tageeva. To clarify the biographical details, the life path of Vera Viktorovna and her close circle was traced.

Keywords: Crimea, Igor Vasilievich Kurchatov, biography, scientific environment

В 2023 г. Национальный музей Республики Башкортостан принимал участие в общероссийском проекте, подготовленном Национальным исследовательским центром «Курчатовский институт», с небольшой выставкой «Уральский след И.В. Курчатова». В данной статье через комплекс изученных письменных источников представлены некоторые материалы из раннего периода жизни и деятельности Игоря Васильевича Курчатова в Крыму. Приведены более развернутые описания некоторых людей из его окружения.

Тема «Курчатов и Крым» хорошо изучена и достаточно широко представлена в публикациях. Но особенно важно показать события от первых лиц, от непосредственных их участников. В сохранившейся автобиографии 1929 г. И.В. Курчатов так писал о себе: «Родился в 1903 г. в Симском Заводе б. Уфимской губернии. Отец, по образованию землемер, в то время был помощником лесничего и служил на Симском Заводе. Примерно в 1908 г. вместе со всей семьей переехал в город Симбирск; переезд был связан с необходимостью учить сестру. В Симбирске отец работал землемером. В связи с болезнью сестры (туберкулёз) вся семья в 1912 г. переехала в Симферополь в Крым, где отец работал по своей специальности, а я начал учиться в гимназии, которую окончил в 1920 г. [1 Примеч.] Жил на средства отца. В 1920 г. поступил в Крымский университет, который окончил в 1923 г. по специальности «физика». Помимо учёбы в университете, работал в

деревообделочной мастерской, был воспитателем в детском доме, а последний год учёбы одновременно работал препаратором в физлаборатории при университете. В 1923 г. осенью переехал в Ленинград (Петроград), где поступил на кораблестроительный факультет Политехнического института и, кроме того, работал в Слуцкой магнито-метеорологической обсерватории. В это время окончательно оформилось моё желание работать в области научного исследования. Проработав год в Слуцке, я выполнил первое моё научное исследование о радиоактивности снега и напечатал его в метеорологическом журнале. В 1924 г. летом в связи с семейными обстоятельствами уехал из Ленинграда и вернулся в Крым, где поступил на работу в Феодосии в Гидрометеобюро Чёрного и Азовского морей. Переезд был связан с тяжёлым материальным положением семьи, т. к. к тому времени я не получал уже помощи от отца. В Феодосии я выполнил несколько научных исследований, напечатанных в разных журналах за 1924 г. Из них наиболее существенной была работа над сейшмами в Чёрном и Азовском морях. Работа в Феодосии, однако, меня не удовлетворяла, так как здесь я не мог получить никакого научного руководства в области физики. В силу этого в ноябре 1924 г., получив приглашение от профессора С.Н. Усатого, знавшего меня по университету, я переехал в Баку и был ассистентом при кафедре физики в Азербайджанском политехническом институте. С ноября 1924-го по июль 1925 г. я провёл в Баку два исследования, касавшихся вопросов прохождения электрического тока через твёрдые диэлектрики. Эта работа близко примыкала по тематике к проблемам, разрабатываемым академиком Иоффе в Физико-техническом институте в Ленинграде» [Кузнецова: 133-134].

Среди опубликованных письменных источников, связанных с жизнью и деятельностью И.В. Курчатова — переписка с друзьями, единомышленниками и родственникам [2 Примеч.]. По ним можно в деталях проследить обстоятельства жизни Игоря Васильевича более чем за сорок лет. Среди них есть группа писем, которая даёт возможность поближе познакомиться с его окружением, людьми, благодаря которым сформировались его интересы, а

возможно оказали влияние на выбор жизненного пути. Таковой представляется переписка с Верой Тагеевой. Молодые люди познакомились в 1921 г., когда восемнадцатилетняя Вера, оказавшаяся в Симферополе вместе с семьёй¹, посещала занятия в Крымском университете. Переписка была продолжительной. Она пишет ему в Симферополь, Феодосию, Павловск, Баку. Оригиналы писем хранятся в музейном собрании Дома-музея И.В. Курчатова, наряду с другими эпистолярными источниками. Благодаря научному поиску заведующего мемориального дома-музея И.В. Курчатова, более сорока лет, возглавлявшего музей, а ныне ведущему научному сотруднику Научно-исследовательского центра Курчатовского института Москвы – Р.В. Кузнецовой стали доступны исследователям².

В письмах Веры Тагеевой проявились неожиданные, не увиденные никем ранее черты характера Курчатова. К примеру, из одного письма 1921 г., мы узнаем, что окончивший первый курс Игорь испытал увлечение метафизикой и теологией. Объявил себя последователем Шопенгауэра. Благодаря этим текстам мы понимаем, как непросто формируется сознание, отношение к жизни, людям. Мы становимся свидетелями поиска реального жизненного пути. На наших глазах формируется осознанное убеждение «отдать себя людям». Но, главное, что, несмотря на все выпавшие лишения и испытания, от него исходят бодрость, вера в лучшую жизнь и в себя, любовь к Родине, к русским людям. «Игорь, Вы единственный среди тысяч, – пишет девушка, – я смеялась от

¹ Прадед родился в Персии от одной из многочисленных жён шаха, звали его Бакир ибн Мухаммед Тахки. Его привезли в Петербург, окрестили по православному обряду и дали фамилию Тагеев. Так в столице появилась новая семья, которая дала России немало способных инженеров, учёных, врачей, литераторов [<https://runivers.ru/lib/authors/author53904/Краткая библиографическая справка>]. Отец Виктор Леонидович Тагеев (1873–1916) – инженер-путеец, автор книги «Сложный рычаг и его применение» (СПб., 1906). Семья Тагеевых проживала в Симферополе на улице Суворовской, а в Феодосии – неподалёку от Карантинной бухты.

² https://m.vk.com/wall-203695526_1883,
https://infpovod.ru/news/v_ashe_proshla_prezentacija_knigi_igor_kurchatov_uralskij_sled_v_nauke_124_0_124/2023-09-30-2689

радости, что не все люди обратились в вялое желе или разочарованные тряпки» [Там же: 41].

В другом письме она замечает, что он из тех, «кто может ковать своё счастье». Рассказывая о красоте ночного моря в Феодосии, девушка делится с ним своей мечтой о морских плаваниях, ибо моряки «имеют мистическую связь с морем, они широки и безбрежны, так же, как само море, в борьбе с которым делаются неустрашимыми и закалёнными». Не тогда ли родилась у Курчатова мечта строить корабли? Тяга к морю осталась у него на многие годы, о чём свидетельствует его письмо жене из Севастополя в 1941 г.: «Когда кончится война, к прежней жизни не вернусь, уйду в моряки».

В начале 1920-х гг., ничего ещё не зная о будущем, Вера писала ему: «Вы один из очень, очень немногих настоящих людей... вижу Вас опять откровенным, правдивым, с огнём в душе, который так редок в людях... Ваша отрешённость от сует этой жизни восхищает меня... уходя в науку, Вы собираете такие духовные силы, которые никогда не даст Вам жизнь». И далее: «Вы единственный человек, которого не тронула наша современщина и который сохраняет и сохранит чистую душу».

Она советует ему поступить в технический вуз учиться на инженера. Напоминает, в каких сумрачных тонах он рисовал ей своё будущее. «У меня остался образ серьёзный, даже строгий, с большой бородой, в кабинете с тёмной мебелью и со спущенными шторами», – пророчески писала Вера Игорю из Петрограда 22 июня 1923 г. [Там же: 42].

В письме в августе 1923 г. Вера Тагеева пишет как распорядиться собой и своими силами в жизни. «Я знаю, что должна отдать себя людям, что в этом моё собственное счастье. Помогать, облегчать, утешать всех, кто обижен и несчастен. И я решила сделаться доктором, чтобы лечить детей. Я чувствую, что отвлечённая наука, прекрасная, божественно гармоничная и стройная, не может захватить меня всю потому, что я не могу слышать и видеть горе и не стремиться помочь сразу, прямо. Чтобы подойти ближе к людям, понять их нужды, я стану доктором. И в спасении от смерти и от страданий людей нахожу

своё призвание, то, что указано мне Судьбою. Сейчас я радостно спокойна, и всё ясно передо мною» [Там же: 96].

Таким образом, в переписке раскрывается тонкий мир духовного поиска, на фоне страшных потрясений и тяжёлых жизненных испытаний героев. Письма двух молодых людей – прекрасный источник, который даёт возможность понять как, на фоне исторических событий, происходит выбор жизненного пути.

С другой стороны, в переписке Тагеевой и Курчатова встречаются чисто крымские мотивы, описания городов, обыденной жизни 1920-х гг. Часто небольшие фрагменты позволяют почувствовать незабываемую атмосферу той далёкой, навсегда ушедшей эпохи. Выбранные сюжеты из замечательной публикации Р.В. Кузнецовой помогут открыть для себя или лучше понять роль Крыма в судьбе великого учёного Игоря Васильевича Курчатова (приводятся выдержки из писем, непосредственно связанные с Крымом, нумерация писем даётся по оригиналу Р.В. Кузнецовой).

Письмо № 1. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Феодосия, 3 июля [1921 г.]

<.....> Мне моя жизнь этой зимой дала более примиряющее и прощающее отношение к людям и, пожалуй, более широкие взгляды в некоторых областях, а Надя судит резко и поэтому иногда слепа, и к людям относится сверху вниз, так, что мне иногда больно. Мне бы хотелось, чтобы Вы увидели мою сестру, и интересно, какое бы впечатление она произвела бы на Вас. Настроения сменяются как облака в небе, а мечты уносят в даль и почти всегда очень туманную и неясную, но прекрасную. Сейчас из нижнего этажа доносятся звуки рояля. Солнце уже зашло и небо по-летнему серовато-голубое. Все окна открыты, и кругом с щебетом летают ласточки. Боже мой, сколько прекрасного есть в жизни. Забудем про гадких людей и их дела. Пусть сияет звезда радости и красоты. Я сейчас так верю в хорошее и в свою счастливую звезду. Хотя бы это было всю жизнь так.

Вы пишете о переломе в Вашем миропонимании, о том, что Вы склоняетесь в сторону метафизики и теологии и боитесь, что это регресс. Мне думается, что как положительные науки, так и отвлечённые рассуждения метафизики ведут к одной цели, оба эти движения исходят из нашего разума и разными путями идут к одному. Может быть, настанет момент, когда обе эти волны сольются в одну и никаких противоречий не будет между ними. Каждый человек выбирает себе ту или иную дорогу в зависимости от его индивидуальности и движется вперед с одной или с другой волной. Вы находите удовлетворение в области отвлечённого мышления и вполне естественно, что Вы должны идти по этой дороге, и никогда это не будет регрессом. Рассуждения положительной науки о духовной нашей жизни кажутся мне ужасно грубыми, обидными и всегда наводят на меня тоску, но я не могу утверждать, что это неправда. Я не знаю этого, а они, в сущности, ведь интересны, открывают много нового и, возможно, что я отношусь к ним с таким отвращением просто потому, что эта область слишком нова для меня и говорит она языком прямым и точным. Вы знаете, Игорь, Дима на прощание мне сделал строгий выговор да притом ещё в такой прямой и резкой форме, что я чуть не расплакалась от обиды и, главное, от сознания, что он совершенно прав» [Там же: 86–87].

Письмо № 2. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Феодосия, 19 июля [1921 г.]

<.....> А я пишу Вам, Игорь. Сегодня почему-то целый день вспоминаю Симферополь, Вас и делается немного грустно, что всё это уже прошлое. Вы знаете, я почувствовала это только сегодня, когда раскрыла дневник и перечла то, что записала в Симферополе. Я перечитывала это и раньше, но вот именно сегодня так остро почувствовала, что это ушло, что теперь другое. А что другое?.. Я и сама не знаю. Ведь фактически я тут совершенно не живу, т. е. не живу жизнью фактов и новых бурных впечатлений, связанных с ними. Моё существование в Симферополе было кипящим котлом по сравнению со здешней жизнью. Я попадаю домой – и как будто сразу порываю связь со всем

земным, даже с людьми. И вся ухожу в область мечтаний, отвлечённых мыслей и блаженных воспоминаний. Конечно, каждый день приходится слышать разговоры и принимать в них участие на самые обыденные материальные темы. Я даже хожу на базар и через день три часа посвящаю кухне, но всё это в моём здешнем мире слабая, прозрачная тень, которая мгновенно улетает, когда все эти дела кончены, и я снова погружаюсь в мир грёз, в мир книг, которые читаю и жизнью которых живу. Помните то, что Вы написали мне в альбом, Вы звали меня в жизнь. О, Игорь, если бы Вы только знали, как я сейчас далека от жизни, как меня не тревожат никакие мирские волнения и страсти! Это нехорошо. Я знаю, но иначе не могу. В Феодосии моя жизнь всегда протекала так, даже ещё в гимназии. Я тут живу, как в замке на скале. Никого, кроме старых подруг, не вижу. Нет у меня ни одного человека, который заставлял бы меня интересоваться собою и спуститься из моего замка на землю. Дома жизнь идёт однообразно и тихо, почти никто у нас не бывает, и большую часть времени я провожу в блаженном одиночестве, лежа на диване с книгой. Это и отдых, и хорошо. Только сейчас вдруг раздался сильный артиллерийский выстрел, и все наши окна так непривычно задрожали. Это нехорошо. Нехорошо и то, что, по всей вероятности, в Петроград мы не уедем, уж очень отчаянные письма пишут нам наши родные. Мама думает на зиму переехать в Симферополь, потому что я, сестра и брат должны учиться в Университете. Поэтому я должна взяться сейчас за аналитич. и дифференц. исчисления, а я не хочу, потому что мне лень. Это тоже нехорошо. И самое последнее и главное – нехорошо то, что я человек неопределённый, вот что, Игорь. Неопределённость прелестна в течение месяца, ну полгода, во время душевных переломов и кризисов, а оставаться неопределённой, мятущейся душой навеки, как это грозит мне, – это очень печально и даже трагично в жизни. Вообще у меня есть пунктики, над которыми я иногда с тоскою думаю, но потом со свойственным мне прямодушием затыкаю глаза и уши на них. Пусть! Итак, да здравствует мир грёз и мой замок на высокой скале и фантастический японский туалет! Вера» [Там же: 87–88].

Письмо № 3. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Феодосия, 3 сентября [1921 г.]

Привет Вам, о блистательный «Орион»!.. Пусть Вы будете «Орионом», если уж я – «Капелла». Только что вернулась со сбора винограда, устала, но весела и добра. Сегодня день приятностей: во-первых, письмо от Димы из Петрограда, а во-вторых, – Ваше. Можете поздравить меня – я студентка Петроградского технологического института механического отделения! Дима прислал сейчас в письме нам вызовы из Института, по которым мы легко получим здесь пропуска. По правде сказать, это неожиданное известие привело меня в ужас. Никогда я не думала о Технологическом институте и вообще о поступлении в техническое уже оставила мысль. Но знаете, если удастся только выбраться отсюда, я, кажется, в благодарность дядюшке куда угодно поступлю. Вообще же дело с нашим отъездом обстоит так: Дима давно в Петрограде, и сам-то он остаётся там, наверное. У нас там разорено и разворовано почти всё. Книги украдены. Письма, фотографии – всё наше интимное валяется в грязной куче на кухне. Так пропало всё мне самое дорогое. Дима пишет, что, когда вошёл в нашу квартиру и увидал всё, то у него в глазах помутилось. Ну да не стоит, то уже старое, прошлое – новое не терпит и рвётся вперед. Дима хлопочет, чтобы его отпустили сюда за нами. Мы ждём. Мама решила сделать всё, чтобы я с сестрой уехали отсюда в Петроград, если не удастся уехать всем. Я жду и жду.

У нас всех напряжённое состояние, которое меня изводит. Я не могу ни за что взяться. Кажется, завтра приезжает Дима, и мы уезжаем. И сколько у меня мечтаний...

Вы знаете, Игорь, у Вас есть поэтическая струнка. Вот уж никогда бы не подумала, если бы знала Вас таким, каким Вы бывали в Университете. От Ваших писем на меня веет прекрасной природой и радует меня очень то, что иногда Вы видите и чувствуете её так же, как и я сама. Это так хорошо. А почему Вы вдруг начали курить? Этого я не ожидала. Вам нравится? Я тоже продолжаю покуривать, но втайне от мамы. Брат и сестра поддерживают меня.

Нюта и Женя едут завтра в Симферополь. Нюта уже устраивается на зиму. Я прошу её передать Вам письмо. Вы с ней поговорите и если будете писать мне, то лучше передайте через Нюту или Женю, они найдут оказию, а почта ужасно долгая и теряет письма.

А Ваше поддразнивание и не попало в цель, золотой «Орион»! Я-то, может быть, и попаду в Петроград.

Пишите. Всего лучшего. Я сейчас так ярко представила себе, как Вы шествуете в Университет по Потемкинской ул. Пройдите по нашей Суворовской мимо нашего дома и вспомните обо мне. Перечитала сейчас письмо. Грустно, что много не скажешь и не передашь мёртвыми чернилами. Хотела бы я Вас увидеть и в живой речи так хорошо передать всё. Вера» [Там же: 88].

Письмо № 4. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Феодосия, 5 сентября [1921 г.]

Здравствуйте, Игорь, юный поэт, милый энтузиаст!

Вчера только послала с Нютой Вам письмо. Сегодня получила ещё одно от Вас, и оно привело меня в такой восторг, что сразу захотелось ещё написать Вам.

А в восторг меня приводят Вы Вашей бодростью, верой в прекрасную жизнь, любовью к русским людям, действительно родным Вам, Вашей неподражаемой верой во всё хорошее и красивое, и в себя! Игорь – Вы единственный среди тысяч. Впервые я вижу такого живого человека. Сегодня когда я читала Ваше письмо, то всё время улыбалась, а когда кончила, рассмеялась громко, таким хорошим и добрым показалось мне оно. И ещё я смеялась от радости, что не все люди обратились в вялое желе или разочарованные тряпки» [Там же: 89]

Письмо № 5. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Петроград [после 21 октября 1921 г.]

<.....> Но вообще меня уже начинает беспокоить такое детство в мои "почтенные" годы. Нужно будет заняться собою. Только вот в дороге я

приобщила жизни. Это было так ужасно, так невыносимо тяжело, что мне казалось, я могу с ума сойти. Столько я видела несчастий и горя, что для меня года на три хватит. На Джанкойском вокзале, где мы сидели пять дней, одна девушка стала сумасшедшей от отчаяния и нужды и ночью говорила и металась около нас. По дороге люди садились на буфера и крыши и бывали несчастные случаи. Подумайте, женщины с маленькими детьми ехали три дня на крыше. У детей отморожены лица, красные, распухшие, прямо не похожи на людские. Это у грудных детей! На Харьковском вокзале с какой-то женщиной случился припадок, болезненный ужасно. Она кричала и стонала на весь зал, просила, чтобы её убили. Ну, тут уж и моих сил не хватило после бессонной, тревожной ночи, и я бегом убежала оттуда. А потом путешествие от Харькова до Москвы в вагоне для женщин и детей! Вы знаете, там было столько людей, что боялись, не проломится ли пол теплушки. Одного ребенка чуть не задавили вещами. Бабы ругались, даже дрались, дети всё время кричали. Столько я видела несчастий. Особенно дети страдают, совсем маленькие. Может быть, и не стоило мне вспоминать. Это старое уже, да уж очень живо всё это у меня. Наша дорога, длившаяся три недели, была сплошь ужасом. И как мы с Надей доехали, целы и невредимы, это один Бог знает. Только сейчас я не могу без содрогания думать о каком бы то ни было путешествии. Все вокзалы и города, какие мы проезжали, ненавистны мне. Вот, пожалуй, за дорогу я подросла порядочно. И все у меня мысли о том, как сделать себя лучше, терпеливее, терпимее, победить страх и отвращение перед несчастьем и суметь помочь. А мне это так трудно, трудно, потому что во мне столько нехорошего, которое в меня прямо-таки вросло. Ну не буду больше об этом. Вот вспомнила прошлое, и упало моё настроение» [Там же: 90–91].

Письмо № 7. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Петроград, 2 января 1922 г.

С Новым Годом, милый Игорь! Желаю Вам всего, всего чего ни захотите, чтобы быть счастливым. Хорошо было бы нам с Вами увидеться в этом новом году. С интересом и радостью взглянула бы я на нового Игоря, столько

пережившего и передумавшего за это время, а Вы посмотрели бы на новую Веру. Как Вы встречали Новый год, весело ли, окрылённый надеждами и мечтами? Я очень тосковала в этот вечер, дядя ушёл к знакомым, а мы с Надей так устали, потому что накануне не спали всю ночь, провожая Старый год, что остались дома. Я лежала в кровати, читала воспоминания о Комиссаржевской, которые окончательно подорвали моё настроение. Вы слышали о ней? Знаменитая, гениальная артистка, вечно искавшая, вечно метавшаяся душою, всегда жившая на сцене жизнью своих ролей и так трагически погибшая от чёрной оспы в Ташкенте во время гастролей. Книга написана прекрасно, и когда я читала, то мне передалось это нервное напряжение всего её существа, вечное беспокойное стремление вперёд, вечные искания нового, лучшего в искусстве и, наконец, – ужас её конца. С таким тяжёлым и напряжённым настроением я встретила этот Новый год, 20-й в моей жизни.

Мне жалко, что мои письма, по-видимому, не доходят до Вас. Я Вам писала часто, а Вы говорите, что вот уже месяц, как я молчу. Жалко, что транспорт так плохо налажен.

Моя жизнь?.. Мне стыдно писать о ней. Вот, когда я так спокойно сижу одна и обдумываю всё, что вижу, что живу пусто, бессмысленно и глупо. Но как увлекает меня эта пустота, шумная, пёстрая! Стыдно. После трёх лет тихой, детски простой и ясной жизни в Феодосии, потом очень тяжёлой, в сущности, для меня зимы в Симферополе, потом опять феодосийской тиши, одиночества и однообразия летом – здесь наступила реакция. Мы с сестрой увлеклись тем весёлым, лёгким, приятным и пёстрым, что может дать нам здешняя жизнь. Я почти не учусь, Университет стоит в стороне, и одна мысль о нём терзает мою совесть, поэтому я её гоню. Не то чтобы я не хотела учиться, о нет, я очень хочу, мучаюсь своею распушенностью, но, знаете, всю меня охватила какая-то лень, пассивность и даже беспечность в этой области. Чем сидеть за столом с карандашом в руках и выводить какие-нибудь формулы, гораздо приятнее разлечься на диване и читать какой-нибудь французский роман или историю архитектуры Петрограда, которой я теперь увлекаюсь....

У меня много друзей, и если мы не в театре, не на вечеринках друг у друга, то занимаемся изобретением новых удовольствий. Вот на днях планируется веселый маскарад у моей подруги, потом лежа в Мариинском театре на «Валькирию» Вагнера, потом «бал» у Нюси, потом прогулка на лыжах в Царское. Весело, не правда ли? И мне ужасно весело. Я увлекаюсь, теряю спокойствие, уравновешенность и благоразумие. Когда-то я сокрушалась о ледяном спокойствии своего сердца, теперь весь лёд давно растаял. Я настроена очень романтически, я стала кокеткой, мне льстит внимание и комплименты. О, Игорь, Вы не узнали бы меня. Два раза мы веселились до утра. И на рассвете пошли весёлой компанией провожать по домам подруг. Это было в 8 часов утра» [Там же: 93].

Письмо № 10. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Петроград, 17 августа 1922 г.

Игорь, Ваше письмо я получила два дня назад и была ему бесконечно рада. Может быть, Вы и не представите себе мою радость, потому что не знаете, как огорчало меня Ваше молчание. Мне дороги Ваши письма и Ваше хорошее отношение ко мне, потому что Вы один из очень, очень немногих "настоящих" людей, которых я встречала. И когда здесь я чувствовала себя особенно одинокой и побитой жизнью, мне было грустно думать, что я потеряла такого человека, как Вы. Так неожиданно пришло вдруг Ваше письмо, и я радовалась, читая его и видя Вас опять откровенным, правдивым, с огнём в душе, который так редок в людях. И ещё что радует меня, то, что всей душой я могу откликнуться на Ваши переживания. Всё, о чём Вы пишете, понятно и близко мне самой и особенно то, что Вы говорите о детях, об Алёше Карамазове. Как я всё это знаю и как рада, что Вы тоже это понимаете и любите.

Теперь я расскажу Вам о себе. У меня это время прошло пёстро и, пожалуй, даже богато впечатлениями и переживаниями, и самое главное то, что я нашла свою дорогу и вступаю на неё. Сегодня я выдержала вступительные экзамены в Медицинский институт. Как это всё произошло, как я решилась так

поступить, я сама не знаю точно, знаю только, что я должна сделать так. Это всё шло очень постепенно и произошло тогда, когда я серьёзно и глубоко заглянула в жизнь и коснулась её и нашла себя, а потом я много читала Достоевского, и он разбудил меня и сказал мне правду о жизни, которую я раньше только неявно чувствовала. Я знаю, что должна отдать себя людям, что в этом моё собственное счастье. Помогать, облегчать, утешать всех, кто обижен и несчастен. И я решила сделаться доктором, чтобы лечить детей. Я чувствую, что отвлечённая наука, прекрасная, божественно гармоничная и стройная, не может захватить меня всю потому, что я не могу слышать и видеть горе и не стремиться помочь сразу, прямо. Чтобы подойти ближе к людям, понять их нужды, я стану доктором. И в спасении от смерти и от страданий людей нахожу своё призвание, то, что указано мне Судьбою. Сейчас я радостно спокойна, и всё ясно передо мною.

Расскажу Вам ещё и о другом. Приехала весной из Крыма моя мама с братом и сестрою, и мы снова зажили тесной семьёй. Это так успокаивает и ободряет. Потом я уехала на месяц в Новгородскую губ[ернию], в имение тёти, и там провела чудное время среди детей (моих маленьких двоюродных сестёр и братьев), среди простора и красоты природы. Имение старое, старый дом с портретами наших предков в золочёных рамах, со старинным роялем и угловым диваном в гостиной, с массою старых книг, с привидениями» [Там же: 95–96].

Письмо № 16. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«22 июня [1923 г.]

<.....> Мне странно представить себе, что Вы, все Ваши друзья, Сильвия, Аня – кончаете в этом году Университет. Я ведь представляю себе всех вас такими начинающими мальчиками с некоторым задором. Теперь, наверное, вы стали солидными и серьёзными – эту печать положила на вас всех наука. А дальше? Конечно, надо скорее, скорее уезжать из Симферополя, в центр, на север и если есть желание, силы и возможность, то учиться ещё. Вы должны быть здесь, чтобы узнать современную жизнь в её широком размахе и взглянуть на то прекрасное и великое, что оставило нам прошлое. Жизнь только в центре,

и каждый должен узнать её. Мне кажется, что вообще у Вас и выбора никакого быть не может, и если есть возможность, то необходимо ехать в Москву или сюда. Стремиться сюда, устроить здесь свою жизнь и учиться необходимо всякому, да я думаю – Вы сами это знаете. Мне бы так хотелось, чтобы Вы смогли приехать сюда, а не в Москву! Но все равно хоть и в Москву, приезжайте непременно, скорее! Поступайте в техническое и делайтесь инженером. Инженеры теперь завоёвывают мир! Я вспоминаю, как, помните, в ночь моего отъезда мы гуляли с Вами по платформе, и Вы рисовали своё будущее. Почему-то я вспоминаю, что тона Ваши были довольно сумрачны, и у меня остался Ваш образ серьёзный, даже строгий, с большой бородой, в кабинете с тёмной мебелью и со спущенными шторами. Лучше, чтобы было не совсем так. Нужно смотреть на жизнь блестящими глазами и верить в то, что она таит неизречённые сокровища. Мне так хочется скорее, скорее кончить своё учение и войти в жизнь для того, чтобы служить людям и дать им веру в красоту жизни» [Там же: 101-102].

Письмо № 18. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Петроград, 26 сентября 1924 г.

<...> блуждание по руинам прошлого. Всё бродила по знакомым местам и вспоминала Университет, свои приключения, своих друзей, всё хорошее, интересное, что было тогда. Хотелось мне увидеть Вас. Мы пошли с Сильвией туда, где живёт Луценко, чтобы спросить о Вас. Да узнали, что вы все были на Южном берегу. Это прямо судьба, как нам не удаётся увидаться. А теперь Вы в Феодосии, городе, который мне ещё дороже по воспоминаниям, ведь мы прожили там 4 года! Там у меня много знакомых, многие знают нас. Может быть, встретитесь с ними. Если будете гулять, то пойдите за Карантинную стену наверх по дороге, там под горой домик, где живёт моя классная дама, которую я очень люблю; дальше идёт круто вверх и открывается море. Я часто ходила туда и любила стоять высоко над морем. Пошлите и Вы от меня привет морю» [Там же: 103].

Письмо № 19. В.В. Тагеева – И.В. Курчатову

«Петроград, 29 ноября 1924 г.

<.....> Игорь! Ваше неожиданное письмо было для меня великолепным сюрпризом: представить себе, что Вы здесь, я до сих пор не могу, наверное, уверую в это только тогда, когда увижу Вас. Я бесконечно рада за Вас и восхищаюсь всеми подвигами, которые Вы и Ваш друг Ляхницкий совершили за это лето и осень. Молодцы! И надо подумать, что мир так тесен что, попав в Петроград, Вы сразу встречаете Райко, который теперь ассистентом у нас в Институте, и он помогает Вам устроиться!.. Сколько миллиардов вопросов я хочу задать Вам о том, как Вы чувствуете себя здесь, как Вам нравится наш Петроград, наш милый север после Крыма, как Вы думаете устроиться с занятиями, как жить, – всё, всё – как чувствует себя Ляхницкий; изменилось ли у него хоть немножко его серьёзное выражение лица? Я надеюсь, что Вы как-нибудь будете здесь и тогда зайдёте ко мне. Интересно встретиться после двух с половиной лет, мне даже немножко страшновато. Если приедете в Петроград ненадолго и захотите прийти ко мне, то лучше ещё из Павловска предупредите открыткой, чтобы я ждала Вас, а то досадно будет, если Вы придёте и не застанете меня дома» [Там же: 103-104].

В публикациях писем 2007 г. перед нами просто образ таинственной незнакомки с загадочной фамилией. Во время встречи с Раисой Васильевной Кузнецовой в 2023 г. удалось узнать, чуть больше. Она рассказала о встрече с наследниками Веры Викторовны, которые сообщили, что письма Игоря Васильевича к Вере Викторовне также сохранились. Но это уже другая семейная история, которую мы, пользуясь открытыми источниками попытались исследовать.

Семья Веры Викторовны Тагеевой принадлежала к известному дворянскому роду. Отец ее Виктор Леонидович Тагеев был инженером-путейцем. Умер еще в 1916 г. Из-за болезни матери и работы отца они часто жили на Южном берегу Крыма. Революция и Гражданская война застали их в Симферополе и Феодосии. Позже, возвратившись из Крыма в Петроград, Вера Тагеева, под влиянием дяди, поступила в институт, чтобы стать инженером и

строить корабли. Однако, в дальнейшем, как мы видим из писем, она принимает решение обучаться медицине и посвятить свою жизнь людям, детям. В 1926 г. вышла замуж за Владимира Вениаминовича Семенова-Тян-Шанского теоретика кораблестроения [5 Примеч.]. Вера Викторовна прожила долгую жизнь и умерла в 1993 г. в Санкт-Петербурге.

Служение людям ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. Врач Вера Викторовна Семёнова-Тян-Шанская осенью 1941 г. была призвана на военную службу и направлена в Эвакогоспиталь № 267. Официальный документ не отражает всего драматизма работы военврача в блокадном Ленинграде, лишь кратко сообщает о результатах её работы: «Майор медицинской службы Семёнова-Тян-Шанская В.В. работала старшим ординатором нервного отделения Эвакогоспиталя с 29.11.1941 по 24.08.1944 г. Специализировавшись в области лечения травматических заболеваний нервной системы, свой богатый опыт применила в лечении раненых и контуженных. Самоотверженной работой и правильно применёнными новейшими методами лечения тов. Семёнова-Тян-Шанская добилась уменьшения сроков лечения, снижения смертности тяжёлых травматических заболеваний нервной системы и значительного увеличения выписки в строй раненых и больных.

В период вражеских артобстрелов госпиталя, когда в нервное отделение попало 4 артснаряда, тов. Семёнова-Тян-Шанская проявила образцы отваги и мужества, оказывая помощь раненым и ликвидируя последствия поражения». Как говорилось в наградных документах, «за проявленную отвагу и мужество, высокие образцы делу служения Родине» Вера Викторовна была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

В блокадном городе оставалась семья Веры Викторовны: Владимир Вениаминович Семёнов-Тян-Шанский всю блокаду жил и работал в Ленинграде. Приказом командующего Балтийским флотом ему было поручено проводить работу по обобщению опыта боевых повреждений и эксплуатации кораблей флота в ходе боевых действий. На основании проведённых исследований Владимир Вениаминович разрабатывал методику расчётов

непотопляемости кораблей при подрыве на минах. Он вёл не только теоретическую работу, но и занимался обучением экипажей боевых кораблей методам борьбы за живучесть судна. 19 июня 1943 г. В.В. Семёнов-Тян-Шанский был награждён медалью «За оборону Ленинграда» [6 Примеч].

Примечательно, что вместе с родителями всю блокаду в городе прожили две их дочери: Марина (в 1941 году ей было 13 лет) и Саша (11 лет), а в ноябре 1943 г. у них родилась сестрёнка Наташа. Вот как описывает в дневнике одну из бомбардировок дочь Саша Семёнова-Тян-Шанская: «Мама сегодня была страшно мрачная и расстроенная. Неприятность в клинике заключалась в том, что в клинику попала большая бомба, убило шесть раненых и семью одной санитарки; довольно большая часть здания была совершенно разрушена, начальника клиники – Бориса Семёновича Дойникова – отбросило воздушной волной и здорово ушибло» [7 Примеч.].

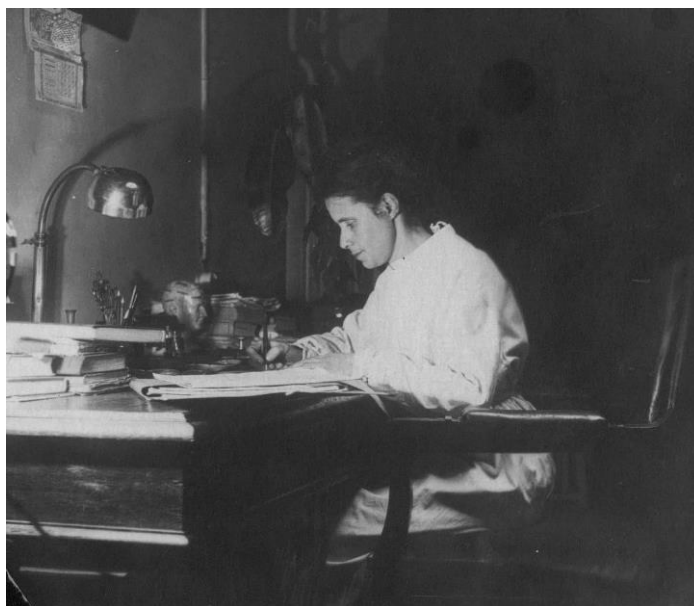

Фото 1. Вера Викторовна Семенова Тан-Шанская (Тагеева)
в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

После окончания войны В.В. Семёнова-Тян-Шанская служила в Военно-медицинской академии, защитила докторскую диссертацию. Вышла в отставку в звании полковника. «Всю блокаду бабушка работала в госпитале Военно-медицинской академии, она была врачом-неврологом, – рассказал корреспонденту газеты «Петербургский дневник» директор Фонда наследия П.П. Семёнова-Тян-Шанского Владимир Семёнов-Тян-Шанский, организатор

выставки в Музее Блокады Ленинграда. «Инструменты, которыми она пользовалась в блокаду, для выставки предоставил Военно-медицинский музей».

В 2016 г. в Военно-медицинском музее города Санкт-Петербурга Творческим пространством «Нити» был поставлен спектакль – композиция «Молитва во спасение». В основу сюжета легли тексты благодарственных писем от бойцов с фронта врачу одного из ленинградских госпиталей Вере Викторовне Семёновой-Тян-Шанской, которые хранятся в коллекции Военно-медицинского музея. Режиссером-постановщиком спектакля стала Вероника Мамонова. «Жизнь Веры Викторовны Семёновой Тан-Шанской может являться образцом служения, верности медицинской профессии и высшим проявлением любви к простому человеку, пишут в анонсе мероприятий» [8 Примеч]

«В семье всегда был запас еды, хотя никаких предпосылок к повторению испытаний, подобных блокаде, конечно, не было. Это последствия того, что пережили в блокаду. Бабушка говорила, что всегда нужно доедать всё, что положили. А когда кто-то приходил к нам, действовало неписаное правило: главное – накормить», – отмечал Владимир.

В Ленинграде они всю войну проживали в доме, где жил Петр Петрович Семенов Тян-Шанский. В 1942 г. Владимир Вениаминович, по завещанию стал хранителем фонда наследия выдающегося ученого. После его смерти хранительницей «родовых печатей» оказалась его вдова Вера Викторовна (1902–1993). Она бережно относилась к архиву и семейным реликвиям [9 Примеч.]

Младшие члены семьи также достойны того, чтобы хоть пунктирно упомянуть о них. Сестры Веры Викторовны достаточно известны и прожили большую жизнь.

Фото 2. Дети семьи Тагеевых (Вера, Надежда, София, Леонид

Средняя – о которой написано в первом письме из Феодосии – Надежда Викторовна Тагеева (1904-1994) родилась в Крыму. Школу окончила в Феодосии. В дальнейшем – географический факультет Ленинградского государственного университета (1922–1929 гг.). Стала гидрохимиком, доктором наук. В 1930-х-1940-х гг. работала сотрудником Государственного Радиевого института и Минералогического музея АН СССР. Автор нескольких научных трудов она долгое время работала в лаборатории под руководством академика В.И. Вернадского и, даже занималась проблематикой радиоактивности нефти. Скончалась в Санкт-Петербурге, в доме своих племянниц Семёновых-Тян-Шанских.

Н.В. Тагеева оставила очень интересные воспоминания «Из прошлого. О Финляндии и о семье Бартольд»³. Кроме того, о ней, как археографе наследия Г.А. Бонч-Осмоловского, женой которого она была, есть публикация Н.И. Платоновой в одном из сборников учёных записок Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского [11 Примеч.]

³ https://terijoki.spb.ru/old_dachi/docs/Tageeva_N_V.pdf

Младшая сестра – Тагеева София Викторовна (27.10.1907 – 03.12.2004) – биофизик, цитолог растений, доктор биологических наук, профессор. Много лет работала в Институте биофизики АН СССР в Пущине. Одной из первых в Советском Союзе стала использовать методы электронной микроскопии. Первая её работа в 1920-е гг. была направлена в печать Н.И. Вавиловым. Софья Викторовна стала женой и соратницей выдающегося физиолога, академика АН СССР (1946), Николая Александровича Максимова (1870–1952), о котором также имеется обширная литература [12 Примеч.].

А семейную профессию корабелов продолжил брат Леонид Викторович Тагеев (1906–1993), став ведущим советским судостроителем, конструктором военных кораблей.

Комплекс писем Веры Викторовны Тагеевой к Игорю Васильевичу Курчатову, представляет собой уникальный исторический источник. В них события семейной истории и частной жизни проходят на фоне исторических катаклизмов и потрясений двадцатого столетия. Нам предоставлена возможность воссоздать картины прошлого, переживания и события жизни двух замечательных людей, оставивших большой след в истории нашего Отечества, в период становления и выбора пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В других воспоминаниях И.В. Курчатов говорит про дачу, где они жили, и дом Жукова на пустыре между земской больницей и фабрикой Каркунова на Новгородней улице, там семья провела семь лет, флигелёк во дворе на Набережной улице у домика Беличковых и квартиру Елизаветы Васильевны Мечинской в доме 38 на Юбилейной улице около усадьбы Новопольских, откуда он ходил в гимназию, а потом в университет [Кузнецова: 3]. В Симферополе на улице Воровского, около памятника И. Гаспринскому, сто лет назад, на последнем году учёбы в гимназии, Игорь Курчатов посещал ещё занятия в бесплатной ремесленной школе для мальчиков, которую организовал статский советник Андрей Николаевич Кузьмин. Игорь приобрёл специальность слесаря и начал подрабатывать, чтобы поддержать свою семью,

которая на тот момент буквально бедствовала. После ремесленной школы он устроился по приобретённой специальности на небольшой механический завод им. Я. Тиссена (в настоящее время АО «Завод «Фиолент»). «В 1919 году во время летних каникул Игорь ездил с отцом на землеустроительные работы чернорабочим на Бешуйскую железную дорогу (функционировала в Крыму с 1920 по 1950 гг., проходила от угольных копей на склоне горы Бешуй вдоль реки Кача к станции Сирень). В июле 1920 г. И.В. Курчатов снова отправился трудиться в составе землемерной партии на Бешуйскую дорогу. Кроме того, во время учёбы в школе и институте он успел поработать воспитателем в детском доме, резчиком мундштуков в деревоотделочной мастерской, пильщиком дров на фабрике Абрикосовых, расклейщиком афиш, даже бегал по домам и ремонтировал проводку» [Там же: 42, 43].

2. Марина Дмитриевна, супруга И.В. Курчатова, хранила всю переписку Игоря Васильевича в особом чемодане. Письма опубликованы Р.В. Кузнецовой – директором мемориального Дома-музея И.В. Курчатова, исследователем его жизни и деятельности, автором многих книг, доктором исторических наук, археографом, более 55 лет проработавшем в Курчатовском институте.

3. Прадед родился в Персии от одной из многочисленных жён шаха, звали его Бакир ибн Мухаммед Тахки. Его привезли в Петербург, окрестили по православному обряду и дали фамилию Тагеев. Так в столице появилась новая семья, которая дала России немало способных инженеров, учёных, врачей, литераторов [https://runivers.ru/lib/authors/author53904/Краткая библиографическая справка]. Отец Виктор Леонидович Тагеев (1873–1916) – инженер-путеец, автор книги «Сложный рычаг и его применение» (СПб., 1906). Семья Тагеевых проживала в Симферополе на улице Суворовской, а в Феодосии – неподалёку от Карантинной бухты.

4. https://m.vk.com/wall-203695526_1883,
https://infpovod.ru/news/v_ashe_proshla_prezentacija_knigi_igor_kurchatov_uralskij_sled_v_nauke_124_0_124/2023-09-30-2689

5. Семёнов-Тян-Шанский Владимир Вениаминович (1899–1973) – видный учёный в области теории корабля и корабельной гидродинамики, педагог-реформатор, доктор технических наук, профессор, более 25 лет возглавлял кафедру теории корабля в Ленинградском кораблестроительном институте, декан кораблестроительного факультета, основатель научной школы. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, награждён многими орденами и медалями.
6. Страшное слово – блокада! /<https://usadba-ryazanka.ru/> музей усадьба П.П.Семенова-Тян-Шанского.
7. <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/vot-sashka-a-teoreticheski-ya-mog-by-v-tebya-strelyat-/>"Вот, Сашка, а теоретически я мог бы в тебя стрелять...".
8. <https://slawa231270.wixsite.com/terkin/arhiv-meropriyatij>, доступен 20.04. 2024
9. <https://spbdnevnik.ru/news/2021-03-24/v-sovremennike-pokazali-spektakl-mam-a-kto-eto-na-foto><https://museum.smtu.ru/ru/person/93/>
10. https://terijoki.spb.ru/old_dachi/docs/Tageeva_N_V.pdf
11. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-biografii-g-a-bonch-osmolovskogo-istochniki-i-kommentarii> Платонова.
12. «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова (Публикация, предисловие и комментарии О.В. Максимовой) С. 69 The “Prison Autobiography” by Nikolay Alexandrovich Maximov (Publication, preface and commentary by Olga V. Maximova); Памятные даты / Anniversaries Российская Академия наук Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Санкт-Петербургский союз ученых издательство «Нестор-история» Историко-биологические исследования. 2016, том 8, № 4 // <http://shb.nw.ru/wp-content/uploads/2018/07/%D0%A2%D0%BE%D0%BC-8-%E2%84%964.pdf>

Список источников и литературы:

Кузнецова Р.А. Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива), М: РНЦ «Курчатовский институт», 2007. 624 с.